

Полицейская функция приказчиков острогов и слобод Западной Сибири в первой половине XVIII в. (на материалах Кузнецкого уезда)

Денис С. Бобров^a, @, ID

^a Алтайский государственный университет, Россия, г. Барнаул

@ bds-eureka@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-6786-1321>

Поступила в редакцию 08.02.2020. Принята к печати 11.03.2020.

Аннотация: Статья посвящена историко-юридическому анализу сложившегося в первой половине XVIII в. круга подходов и практик реализации приказчиками острогов и слобод Западной Сибири своих правоохранительных компетенций и призвана способствовать более глубокому пониманию сущности протекания в Российском раннеимперском государстве правоприменительного процесса на местах. Источниковую основу исследования составили делопроизводственные материалы и судебно-следственная документация из фондов Российского государственного архива Древних актов. Автор показывает отсутствие четкой формальной выраженности полицейских полномочий приказчиков в нормативных положениях инструктивного характера, обосновывает приоритет среди фактической деятельности по охране закона и права действий, связанных с фиксацией преступлений и установлением фактов, задержанием, допросом, обыском и конвоированием подозреваемых, а также раскрывает три ведущих проявления государственных преступлений в локальной административной практике. Принадлежность, содержание и нюансы большинства процедурных аспектов правоприменения ощутимым образом зависели от общих тенденций эволюции как регионального, так и общегосударственного административного уклада. К середине XVIII в. приказчики острогов и слобод стали терять большую часть своих полицейских полномочий, которые в районах дислокации регулярных воинских подразделений переходили к военным командам.

Ключевые слова: воеводы, правоохранительные компетенции, государственное преступление, дознание, иррегулярные войска, Новоучрежденный драгунский полк

Для цитирования: Бобров Д. С. Полицейская функция приказчиков острогов и слобод Западной Сибири в первой половине XVIII в. (на материалах Кузнецкого уезда) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 297–306. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-297-306>

Введение

Ставший во многом поворотным для истории России период конца XVII – первой половины XVIII в. сопровождался ощутимой перестройкой всех звеньев системы государственного управления, распространением идей камерализма и бюрократического централизма [1, с. 99–107]. Масштабные преобразования охватили и сферу правоохранительной деятельности, но затронули в основном центральный уровень и область судопроизводства. Реалии нижних ярусов раннеимперской правовой системы, которая фактически являлась позднефеодальной, предопределили дисперсное расслоение правоохранительных компетенций между местными (провинциальные и уездные воеводы, главы немногочисленных канцелярий розыскных дел) и локальными управленческими структурами (приказчики острогов и слобод, выборные лица из крестьян или военные командиры полковых рот). В этом свете на фоне относительно хорошо изученной судебной особый интерес представляет тесно сопряженная с ней полицейская функция. Ее осуществление приказчиками в отношении широких слоев населения

(податных сословий и сословных групп) обладает ярко выраженной спецификой в таких областях, как Западная Сибирь (особенно ее южные районы, влияние которых на социально-экономическое и политическое развитие региона, по справедливому замечанию М. М. Громыко, трудно переоценить [2, с. 88]), которые в первой половине XVIII в. по-прежнему переживали активную фазу российской колонизации, сопровождавшуюся не только военным проникновением, но и выстраиванием соответствующей региональной административной системы.

Полицейская функция управленческих структур нижнего звена бюрократической иерархии, как правило, находится в тени внимания специалистов на фоне объяснимого и существенного интереса к гораздо более привлекательным и осязаемым военным, административно-хозяйственным или судебным компетенциям. Наличие ряда известных современных общероссийских исследований взаимоотношений развития в раннем имперском государстве правоохранительной и управленческой среды [1; 3; 4] контрастирует с ситуацией в региональной историографии,

где наиболее полно в настоящий момент изучены судебные, в меньшей степени – полицейские компетенции и практики сибирских воевод [5–9]. Комплексные работы М. О. Акишина [10] и О. Ю. Шаходановой [11], ставящие в центр внимания систему администрирования территориями к востоку от уральских гор, частично затрагивают полицейские компетенции структур преимущественно регионального, а также местного, практически игнорируя локальный уровень управления. Во многом это связано с установившейся еще в советской и отчасти переживавшей в современную научную литературу тенденцией к однобокому рассмотрению деятельности институтов низового звена административной иерархии (в первую очередь приказчиков острогов и слобод) [12–16].

В последние годы появился целый ряд публикаций, посвященных юридическому статусу и отдельным функциям сибирских гражданских приказчиков (за исключением, пожалуй, полицейской / судебно-полицейской) [17–20]. С другой стороны, заключающие солидный эвристический интерес правоохранные практики сибирского городского казачества в специальной литературе по-прежнему представлены обзорно, на чрезвычайно широком хронологическом интервале [21–23]. Схожие черты проявляются и в работах по истории ведомственного управления на юге Западной Сибири. В диссертации С. Р. Муратовой реконструирована иерархия, стратегии и практики администрирования Сибирскими укрепленными линиями [24]. В исследовании А. В. Дмитриева подробно рассмотрены контингенты, кадровый состав и материальное обеспечение регулярных российских войск в Сибири в XVIII в. [25]. Хрестоматийные труды В. Б. Бородаева и А. В. Контева [26], Т. Н. Соболевой и В. Н. Разгона [27] концентрируются на обстоятельствах сооружения предприятий Акинфия Демидова в междуречье Оби и Иртыша и формировании системы кабинетского хозяйства в регионе, лишь эпизодически и косвенно затрагивая правоохранные компетенции частновладельческих, позднее кабинетских структур. Достаточно полно правовой статус, функционал и административные практики ведомственной полиции и суда в Кольвано-Воскресенском (Алтайском) горном округе в середине XVIII – 60-х гг. XIX в. раскрыты в монографии А. А. Пережогина [28].

В связи с этим целью текущей публикации является историко-юридический анализ на материалах Кузнецкого уезда сложившегося в первой половине XVIII в. круга подходов и практик реализации правоохранных компетенций приказчиками острогов и слобод Западной Сибири как низовым звеном структуры гражданского управления регионом в контексте развития государственно-правовой системы России. Обращение к опыту деятельности по охране закона и права этого института власти, в системе функциональных ориентиров которого соответствующие полномочия занимали полупериферийное или даже периферийное место, позволит не только дополнить картину коммуникации

приказчиков с другими административными структурами, но также обнажить реалии и специфику протекания в Российском раннеимперском государстве правоприменительного процесса на окраинах.

Источниковую основу исследования составили делопроизводственные и судебно-следственные материалы из фондов № 248 (Сенат и его учреждения), 517 (Кузнецкая воеводская канцелярия), 1134 (Кузнецкая приказная изба) и 1402 (Бийская земская изба (Бийская крепость)) Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Документальные массивы Кузнецкого уезда обладают очевидным эвристическим потенциалом, поскольку насчитывают в общей сложности около 500 единиц хранения, что является редкостью для региональных архивов первой половины XVIII в. и позволяет системно и многоаспектно проследить характер реализации приказчиками полицейской функции.

Приказчики острогов и слобод – ординарный институт локального звена гражданской системы управления [18, с. 34; 19, с. 33], формировавшийся из уездных служилых людей на принципе «годовальной» службы, т.е. периодической ротации [22, с. 132, 141]. В подчинении у «начальных людей» острога или слободы находились иррегулярные «годовальные» воинские команды и местное крестьянское население. Ключевым фактором реализации приказчиками своих функций: оборонно-снабженческой, административно-хозяйственной, полицейской и промугационной – становился дефицит средств обеспечения управления, проявлявшийся в острой нехватке как инженерных, так и кадровых ресурсов [19, с. 33–34].

Полномочия приказчиков, объединяемые в полицейскую функцию, как правило, трактуются достаточно широко, с акцентом на круге санкционных компетенций: управленец якобы «имел право применять меры взыскания. В самой общей форме оно определялось как право "смирять" крестьян, сюда включались простой "уговор", штраф, телесное наказание и заключение» [14, с. 141]. Обращение к административному и правоприменительному опыту приказчиков Западной Сибири, в частности Кузнецкого уезда, рисует менее однозначную, но более многогранную картину.

Характер формализации полицейских полномочий приказчиков в нормативных актах

Объективные сложности исследовательского поиска связаны с отсутствием строгой формальной выраженности и детализации правоохранных функций приказчиков в локальных подзаконных актах, а также недостаточным разграничением с соответствующими полномочиями воевод. По аналогии с «Наказами» воеводам ключевым документом, законодательно фиксирующим полномочия приказчиков в рамках полицейской функции, должна была стать наказная память – особый вариант партикулярной персональной должностной инструкции, имевшей силу и характер распорядительного подзаконного нормативно-правового акта

и адресованной лицу, вступавшему в ту или иную должность [20, с. 89]. В наказных памятях первой четверти XVIII в. правоохранные компетенции в большинстве своем фиксировались в рамках административно-статусного блока / части¹, однако в силу синкретизма функций полицейское направление деятельности тесно сопрягалось с оборонительным или административно-хозяйственным. Наряду с традиционной, мигрировавшей еще из документов XVII в. формулы «ведать тебе... судом и расправой» [20, с. 90] приказчикам предписывалось соблюдать несколько важных обстоятельств. Во-первых, следовало предотвращать побег местного населения и служилых людей, находившихся на «обереговой службе»².

Во-вторых, в отличие от общероссийского яруса правовой системы середины XVII–XVIII вв., где, по справедливому замечанию Е. В. Анисимова, не существовало четкой градации преступлений на виды и классы [3, с. 14], наказные памяти предполагали разделение всех правонарушений, происходивших в округе, на две категории: тяжкие преступления («государево слово» / «государевы дела», убийства, разбой, татьба) требовали от приказчиков обязательной высылки подозреваемых в уездный центр, «малые дела» – нетяжкие преступления (брань, мелкие драки), которые соответствующей процедуры не предполагали, а вынесение вердиктов, равно как и осуществление наказаний, в большинстве таких случаев осуществлялось самими приказчиками на месте³. Появление подобной, пусть и примитивной, дифференциации преступлений следует связывать с двумя важными обстоятельствами. С одной стороны, это являлось неизбежной издержкой административного и правоприменительного процессов, организация и эффективное осуществление которых в условиях характерного ресурсно-кадрового дефицита делала невозможным и нерациональным автоматический перевод в уездный центр всех преступников независимо от степени тяжести совершенного. С другой – в дискурсе центральной власти первой четверти XVIII в. довольно устойчиво прослеживалась тенденция к делению всех преступлений на «государственные» и «партикулярные» [3, с. 18–19]. Таким образом, в локальном подзаконном акте – наказной памяти – формализовывались встречные разнонаправленные тенденции, исходившие от управленческих структур центрального и местного звеньев административной иерархии.

Обязанность содержания под стражей арестованных в ранних наказных памятях фигурировала лишь косвенно в контексте потенциального «взятия» аманатов из кочевников⁴. Следует учитывать, что случаи аманатства в западносибирских острогах и слободах носили единичный, но вместе с тем прецедентный характер⁵. Наконец, наказные памяти приказчикам не предусматривали однозначной линии поведения в отношении «пришлых» и «гулящих» людей: в первые годы после возникновения административного пункта воеводы санкционировали поселение соответствующих категорий в его пределах, хотя спустя всего лишь несколько лет категорически запрещали аналогичные действия⁶.

Специфика участия приказчиков в расследовании государственных преступлений

Особое место в круге правоохранных компетенций и действий местных и локальных структур гражданского управления достаточно быстро заняли случаи «государева слова», что стало неизбежным следствием формировавшегося имперского административного уклада с его полицейским акцентом. Е. В. Анисимов показал, что категория *государственное преступление* в правоприменительной практике XVIII в. заключала в себе целый спектр различных по своей природе и составу преступлений [3, с. 17–93]. Приказчики сибирских острогов и слобод сталкивались с тремя проявлениями «государева дела».

Большинство случаев связано с попытками жителей административной округи или находившихся на «обереговой службе» иррегулярных военных уличить выборных из крестьян (десятников, целовальников), самих приказчиков или рядовых служилых людей в казнокрадстве, а также причинении иного вреда государственному имуществу. Как правило, произнесение «государева слова» в этом контексте связано со злоупотреблением алкоголем. В 1729 г. крестьянин Василий Кондратьев обвинил в государственном преступлении целовальника Малышевой слободы Захара Хлыновского. Еще в ходе первичного дознания приказчику Ивану Хабарову стало ясно, что аккузация была озвучена в состоянии «безмерного пьянства»⁷, однако в силу значимости и тяжести предполагаемого преступления он не решился нарушить установленный порядок и выслал подозреваемого вместе с обличителем в уездный центр. Аналогичный случай был зафиксирован приказчиком Бикатунской крепости в 1731 г., когда кузнецкий служилый

¹ Административно-статусный блок / часть связаны с определением сферы полномочий и обязанностей приказчиков, порядка их взаимоотношений с другими властными структурами [20, с. 89].

² РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 43 об.; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 7 об.

³ РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 43 об.–44; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 7–7 об.

⁴ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 44 об. В более поздних наказных памятях (вторая половина 30-х – начало 50-х гг. XVIII в.) в результате проявления тенденций унификации и симплификации этих документов [20, с. 91–92] какие-либо упоминания о правомочиях приказчиков арестовывать и содержать под стражей разыскиваемых лиц или подозреваемых отсутствовали вовсе. См.: РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1-а. Л. 31–31 об.

⁵ В отличие от XVII в., где прецеденты содержания аманатов в острогах являлись многочисленными, в первой половине XVIII в. они перешли в разряд рудиментарных практик. В большинстве случаев аманаты жили в пределах аманатских дворов, размещавшихся в уездных центрах.

⁶ РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 45; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 7 об.–8, 24.

⁷ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 43. Л. 6–9.

Степан Везигин в нетрезвом состоянии произнес «государеву слово» на крестьянина Алексея Сорокина. На первых допросах доносчик даже утверждал, что у него существуют неопровержимые доказательства вины предполагаемого преступника, но при дознании в воеводской канцелярии сразу отказался от своих слов⁸.

Другой категорией преступлений, относившихся к «государеву делу», являлись случаи колдовства. В России XVIII в. любые магические воздействия (даже если они не имели никакого отношения к монарху) считались государственным преступлением [3, с. 26–27]. Это приводило к ощутимой строгости административного надзора за расследованием соответствующих эпизодов, проявлявшейся в принятии немедленных и существенных мер в случае любых малейших отступлений от утвержденного порядка расследования. Показателен эпизод, имевший место в округе Бийской крепости на рубеже 1733–1734 гг. Приказчик Иван Буткеев под конвоем был доставлен в уездный центр и допрошен из-за промедлений в высылке подозревавшейся в колдовстве «бабы Акулины», хотя к моменту прибытия специальной команды она уже была этапирована⁹.

Наконец, к государственным преступлениям в XVIII в. относилось несанкционированное властью пересечение государственной границы. В таких ситуациях приказчики собирали всю доступную информацию о причастных к этим событиям лицах, могли дознавать русских крестьян или служилых людей, крайне редко – ясачных данников (абсолютное большинство аборигенов, находившихся в российском подданстве, допрашивались в уездном центре через толмача), после чего материалы передавались в уездный центр¹⁰.

Строгость административного контроля за расследованием «государевых дел» обуславливала внимательное и четкое отношение к соответствующим случаям как со стороны приказчиков, так и воевод, эффективное взаимодействие и отсутствие прямых конфликтов между структурами. Главы уездов выдерживали строго императивную линию, каждый раз отправляя из подконтрольных им иррегулярных сил специальные команды, как правило, состоявшие из 10 служилых людей, и предписывая приказчикам сначала осуществить первичное дознание в форме допроса обеих сторон (как доносителя, так и потенциального подозреваемого) – «следства», после чего безотлагательно высылать всех заинтересованных лиц в уездный центр для дальнейшего разбирательства¹¹, где воевода в рамках судебного процесса «объявлял следства»¹².

Для государственных преступлений строго соблюдался принцип территориальности: лица, «приписанные» к другим административным единицам или ведомствам, не высылались за пределы того уезда, в котором имело место правонарушение. В этом отношении показательным является уже обозначенный нами случай, связанный с уличением в «государевом деле» целовальника З. Хлыновского. Рядовой, казалось бы, эпизод выделяет из общего ряда повседневных практик прошлое заявителя: Василий Кондратьев, будучи учтенным переписями в качестве жителя Тарского уезда, в 1728 г. был отправлен для заработка подушных денег на строящийся Кольванский завод Акинфия Демидова, откуда был «отпущен ... Кузнецкого ведомства в остроги для прокормления лошадей»¹³. Ни слободский приказчик, ни уездный воевода до окончания разбирательства даже не думали высылать доносителя за пределы уезда. Лишь после вынесения судебного вердикта и приведения его в исполнение крестьянин был возвращен в пределы Кольванских предприятий¹⁴.

Функциональные и процессуальные правоохранные компетенции приказчиков в Западной Сибири

Не менее значимым направлением правоохранительной деятельности приказчиков острогов и слобод становились розыск и высылка из вверенной им административной округи различных маргинальных или девиантных категорий: беглых (солдат, матросов, рекрутов, колодников), а также самовольных переселенцев из окрестностей уездного центра, большинство которых имели задолженности в уплате подушного сбора. К указам о сыске таких беглецов, как правило, прилагался специальный реестр¹⁵. В вопросах высылки разыскиваемых лиц действовал принцип экстерриториальности: приказчики могли допрашивать и конвоировать в воеводскую канцелярию любого потенциального правонарушителя независимо от расположения места происшествия и административной принадлежности подозреваемого. Обращает на себя внимание, что для сбора предварительной информации о числе скрывающихся и их ориентировочном местонахождении воеводы использовали структуры экстраординарного управления (уездные команды служилых людей), а не приказчиков, что связано не только с активным внедрением аналогичных практик региональными властями и дефицитом находившихся в распоряжении локальных управленцев ресурсов для осуществления таких оперативных мероприятий, но и с часто встречавшейся инертностью «начальных людей» острогов и слобод, в большинстве

⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 31. Л. 5–15 об.

⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 51. Л. 7.

¹⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 84. Л. 6–20.

¹¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 31. Л. 5–5 об.; РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 43. Л. 14.

¹² РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 43. Л. 14.

¹³ Там же. Л. 6–6 об.

¹⁴ Там же. Л. 8 об.–9.

¹⁵ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 68. Л. 14–18.

случаев связанной с игнорированием интересов уездного центра в ущерб своих административных устремлений. Степень весьма относительной эффективности действий приказчиков в вопросах выявления и выдворения из административной округи самовольных переселенцев иллюстрирует фрагмент доношения в Кузнецкую воеводскую канцелярию приказчика Бердского острога Семена Мельникова от 7 августа 1744 г., где освещается ситуация, сложившаяся на территории вверенной ему округи спустя несколько десятилетий после проведения первой ревизии: «многия берския крестьяне и различинцы из Берского острогу и того Берского ведомства из разных деревень разбегались в разные места Кузнецкого ведомства: в Белоярскую и Бийскую крепости, и в Малышеву слободу, и поселились в тех слободах в разных деревнях своими домами, а о заготовлении, о душах мужеска полу и о подаче сказок в самой крайне скорости никак сочинит невозможно, понеже оные разехавшиеся берския крестьяне и различинцы в реченных острогах и слободе жителство имеют к тем крепостям и слободе poblizosti, а от Берского острогу в самом дальном расстоянии»¹⁶.

Высылке в уездный центр подлежали не только беглые, но и служилые люди, обвиненные в совершении преступления. К примеру, в январе 1734 г. приказчик Бикатунской крепости Василий Буткеев вынужден был отправить в Кузнецк «за правожатыми под караулом... не принимая... никаких отговорок» отставного сына боярского Ивана Везигина вместе с братом Степаном, уличенных в махинациях с подушными деньгами¹⁷.

Как видно из рассмотренных выше примеров, среди функциональных и процессуальных правоохранительных компетенций приказчиков острогов и слобод Западной Сибири приоритет отдавался проведению предварительного следствия, процедурам дознания. Они включали в себя как частично уже освещенные допрос подозреваемых, потерпевших и свидетелей, а также организацию конвоирования, так и обыск, значительно реже – освидетельствование и / или выемку. Следует учитывать, что в первой половине XVIII в. арест («сажание под караул») как мера временного задержания могла применяться «начальными людьми» административных округ к подозреваемым и разыскиваемым, но на постоянной основе заключение (лишение свободы) преступников ими не осуществлялось. Причины этого, видимо, кроются в начавшихся еще в XVII в. стратификации и алгоритмизации практик тюремного заключения как способа исполнения наказаний, которые вылились в организацию тюрем в каждом крупном (уездном) сибирском городе [5, с. 116].

При совершении преступлений во вверенной ему административной округе или вблизи нее приказчик оперативно информировал воеводу о произошедшем. Такие «отписки» по своему содержанию представляли достаточно подробное повествование о случившемся с прилагавшимися первичными показаниями свидетелей. Особое внимание уделялось правонарушениям, в которые были вовлечены жители соседних уездов или ясачные данники¹⁸.

К категориям лиц, подлежавших допросам со стороны «начальных людей» острогов и слобод, в дополнение к уже названным следует отнести русских жителей, по каким-либо причинам не учтенных в подушном окладе. Так, в 1733 г. в «расспросных речах» Данил Рогосин сообщал белоярскому приказчику, что он, будучи еще ребенком, был привезен в Кузнецкое ведомство из Пышминской слободы своим отцом, который вскоре умер. Крестьянин констатировал свое желание быть записанным в подушный оклад в деревне Чумышской, принадлежавшей к округе Белоярской крепости, добавляя, что «в салдацком рекрутском наборе он, Данило, нигде, також и на воровствах и разбоях не бывал»¹⁹. В этом же году приказчиком были составлены протоколы о нескольких подобных случаях²⁰.

При проведении первичного дознания приказчики нередко прибегали к насильственным способам получения показаний и доказательств, о чем они открыто говорили в собственных доношениях в уездную канцелярию. Например, в 1729 г. «начальный человек» Малышевой слободы Степан Серебренников уведомлял Кузнецк о том, что в судной избе им допрошены «с пристрастием» сначала крестьянка деревни Нижне-Сузунской Афирья Родионова, составление «расспросных речей» которой началось лишь после «бития батожем три раза», а также «мерецкой житель» Иван Сулин «по допросом бит батожем нещадно, и избитья он не повинился»²¹. Вместе с тем следует учитывать, что допросы с применением силы являлись рядовой практикой расследования в основном тяжких и особо тяжких преступлений.

Высылка подозреваемых в уездный центр, будучи важной стадией предварительного следствия, использовалась еще и в качестве средства / меры предотвращения конфликтов внутри административной округи или даже между различными локальными районами. Иллюстрацией этого служит настоящая криминальная драма, разыгравшаяся весной 1730 г. в районе Белоярской крепости. Житель деревни Шишкиной Василий Антропов в своем доме подвергся разбойному нападению со стороны крестьян Бердского острога Афанасия и Гаврилы Шеманаевых. Мотив преступления заключался в мести В. Антропову за то, что тот

¹⁶ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 201. Л. 93 об.–94.

¹⁷ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 49. Л. 10–10 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 86. Л. 1–4; РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 91. Л. 2–10.

¹⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 45. Л. 18.

²⁰ Там же. Л. 18 об.–31 об.

²¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 19. Л. 15–16.

тайно увез из окрестностей Бердска сестру Шеманаевых Авдотью, после чего обвенчался с ней²². Дабы не допустить разрастания конфликта, воевода строго предписал приказчику доставить в уездный центр всех заинтересованных лиц, «дабы за невысылкою в следствии судного дела продолжения не учинилось»²³.

Таким образом, конвоированию для допроса воеводой подлежали не только потенциальные преступники, но иногда свидетели правонарушений и потерпевшие. В большинстве случаев показания с них снимались на местах либо приказчиками, либо специально посланными командами. Перевод под охраной в уездный центр касался этих категорий лишь при расследовании отдельных эпизодов, являясь, среди прочего, средством обеспечения процессуальных действий, в частности проведения очных ставок.

Иногда осуществить высылку подозреваемых приказчикам не удавалось. Примечательна ситуация, сложившаяся в Бердском остроге в конце 20-х гг. XVIII в., когда местный приказчик А. Мауксюков вместе со специально присланным из Кузнецка Иваном Буткеевым под угрозами одной из крестьянских семей вынуждены были на непродолжительное время покинуть пределы административной округи. После несанкционированной поездки в Ургу местный житель Прокофий Соколов стал всячески сопротивляться аресту «и от денщика Мауксюкова отбивался ножом де и бросал по присланном из Кузнецка сотнике Иване Буткееве, и по прикашике Мауксюкове, и по служилых людях глыбами». Дошло даже до того, что сын подозреваемого Иван, «выходя из дому своего, на онаго Буткеева с луком и со стрелами, и отказывал оному приказчику Мауксюкову от команды, и выслал ево Мауксюкова, и сотника Буткеева, и служилых людей из Берска вон»²⁴. Однако этот случай являлся единичным и не перешел в разряд регулярных практик.

Организация конвоирования в уездный центр осуществлялась приказчиками посредством поручения подозреваемого реже одному, чаще нескольким служилым людям или рядовым крестьянам административной округи²⁵. Все перемещения задержанных за пределы локального района строго контролировались воеводскими канцеляриями. После приведения наказания в исполнение осужденные не могли покинуть пределы своего населенного пункта (даже будучи служилыми людьми), что, безусловно, само по себе создавало ситуации социального дискомфорта, порождая конфликтность в микросоциуме округи.

Решение о виновности (невиновности) подозреваемых в тяжких и особо тяжких преступлениях и избрание меры наказания находилось в исключительной компетенции воевод [5, с. 110–125; 7, с. 40–42]. Наиболее часто применяемыми к виновному лицу санкциями (либо в случае подтверждения обвинения, либо в случае обнаружения изначально ложного доноса) становились публичная порка кнутом или батогами²⁶.

Исполнение наказаний, вынесенных в ходе судебных процессов и разбирательств, не замыкалось исключительно на уездном центре, а частично передавалось приказчикам на места, облеченное в форму соответствующего воеводского указа. В основном такие случаи связаны с реализацией вердикта в отношении второстепенных для расследования категорий лиц (мелкие пособники или соучастники; второстепенные свидетели, «неточность» показаний которых вскрылась в ходе перекрестных допросов), которые по объективным причинам не были конвоированы из своей округи для дознания или уже вернулись обратно (с санкции воеводской канцелярии) до окончания разбирательства²⁷. Причем в документах встречаются случаи, когда приказчику приходилось применять санкции в отношении не только рядовых крестьян, но и десятников, целовальников, служилых людей. Однако это являлось скорее исключением, чем правилом. Делегирование «начальным людям» острогов и слобод полномочий и компетенций по исполнению наказаний не имело устойчивой и стабильной фиксации в наказной памяти и отражало признаки частичного отхода от процессуального порядка, хотя и соответствовало общему духу реализации административного процесса в условиях активного освоения, избавляя приказчиков от обременительной необходимости формировать дополнительные команды из служилых людей или крестьян для конвоирования в уездный центр лиц, уже признанных виновными.

В рамках реализации полицейской функции приказчикам приходилось заниматься организацией хранения имущества как рядовых жителей своего локального района, так и лиц, случайно оказывавшихся в пределах соответствующей округи. В одном из своих обращений в воеводскую канцелярию приказчик Белоярской крепости Афанасий Хмелев в 1730 г. подчеркивал, что у него длительное время лежали «под замком» личные вещи, оставленные солдатом Кузьмой Волковым, который пропал без вести при сопровождении экспедиции Ивана Валишевского в Джунгарию. В таких случаях локальными управленцами составлялась подробная опись соответствующих предметов: «седло черной кожей

²² Там же. Л. 166–167.

²³ Там же. Л. 167 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 164. Д. 51. Л. 1395–1395 об.

²⁵ Видимо, при организации конвоирования ощутимую роль играла тяжесть правонарушения. Подозреваемых в тяжких и особо тяжких преступлениях в уездный центр доставляли исключительно служилые люди, в большинстве остальных случаев – представители крестьянского населения, что связано с активной вовлеченностью иррегулярных войск в различные «службы». См.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 43. Л. 26.

²⁶ Там же. Л. 23–24.

²⁷ Там же. Л. 25 об.; РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 164. Д. 51. Л. 1396 об.

оклеено, потпруги и пристуги ременные, стремена железные усдарененна, плеть хомутина ... зипун сукной новой»²⁸. Выдача имущества даже родственникам владельца была невозможна без санкции воеводы²⁹.

Изменения в характере и практиках реализации приказчиками полицейской функции в конце 30-х гг. XVIII в.

Дифференциация социально-управленческих практик в совокупности с начавшейся в середине 30-х гг. XVIII в. ощутимой административной перестройкой на юге Западной Сибири в значительной степени деформировали характер осуществления приказчиками своих правоохранных компетенций. Вскоре после создания Новоучрежденного драгунского полка [25, с. 98–108] отдельные его соединения были переброшены в некоторые сибирские районы. Присутствие регулярных подразделений требовало от приказчиков выстраивать взаимоотношения с военным руководством – подвергавшимся ротации единым войсковым «командиром» в звании капитана или майора, а также прапорщиками, отдававшими приказы в конкретных ротах.

Ключевым направлением такого сотрудничества становилось предупреждение социальных и даже этнических конфликтов в локальной округе. В южных районах Западной Сибири в первой половине XVIII в. большинство соответствующих инцидентов связано со стычками между русским населением и джунгарскими купцами, следовавшими транзитом через остроги и слободы. В 1738 г. в деревне Елуниной Белоярского ведомства возник конфликт между калмыцкими торговцами, направлявшимися в Ургу из Томска, и местным жителем Артемом Елуниным. По утверждению последнего иностранные купцы самовольно стравили у него 60 копен сена, не заплатив, после чего русский крестьянин не нашел ничего лучше, как в отместку и с целью хотя бы частичного возмещения понесенного ущерба украсть у обидчиков две лошади. В результате спор, изначально носивший имущественный характер, мгновенно вышел на новую, опасную стадию: калмыцкий башлык Исюк Деркемов в сопровождении более 20 человек окружил дом А. Елунина, «стали из луков стрелять, а другие, вскоча во двор, выгнали ... десять лошадей, в том числе три ежжалых, семь молодых и отогнали в свой табун»³⁰. Ситуация накалялась – А. Елунин открыл из ружья огонь по калмыкам, а И. Дюркемов пленил трех крестьян. Местные жители были готовы устроить самосуд над агрессивными иноземцами. Лишь благодаря вмешательству белоярского «начального человека» Якова Сорокина совместно с прапорщиком Александром Тарасовым при поддержке 15 солдат из регулярной команды удалось предотвратить дальнейшее разрастание конфликта. Приказчик и командующий ротой Новоучрежденного

полка действовали фактически единым административным центром, выступая третейским арбитром и одновременно медиатором и гарантом общественного порядка, успокаивая и примиряя стороны, заставляя прекратить имущественный спор, очевидно и неуклонно отстаивая интересы подданного Российского государства³¹.

Трансформация правоохранных практик приказчиков в период значительных преобразований управленческой среды середины XVIII в. наиболее ощутимым образом затронула процедуры, связанные с задержанием, допросом и арестом подозреваемых и разыскиваемых – теперь соответствующие полномочия (в отношении всех категорий как военного, так и гражданского населения) передавались командирам военных рот, которые напрямую взаимодействовали с воеводскими канцеляриями. Самой массовой категорией дел в полицейской функции командующих войсковыми соединениями на этом этапе стали розыск и задержание беспаспортных лиц³².

Заключение

Динамика круга правоохранных компетенций приказчиков острогов и слобод Западной Сибири в первой половине XVIII в. ощутимым образом зависела от общих тенденций эволюции как регионального, так и общегосударственного административного уклада. В первой четверти столетия, несмотря на отсутствие строгой фиксации соответствующих полномочий в инструктивной документации, подзаконных актах, полицейская функция на локальном уровне управления практически монополично сосредотачивалась у приказчиков. Перечень их правоохранных компетенций был достаточно широк, охватывал практически все стадии предварительного следствия (за исключением отдельных процедур, осуществлявшихся воеводами). С одной стороны, это являлось инерционным шлейфом предшествующего времени, с другой – максимально отвечало задачам продолжавшегося освоения, где в системе функциональных ориентиров правоохранительное направление деятельности практически полностью отделялось от военных (оборонно-снабженческих) сюжетов и располагалось ближе к административно-хозяйственной тематике, а его значимость была обратно пропорциональна степени внешней опасности и строго зависела от текущей социально-политической конъюнктуры административной округи. Ближе к середине XVIII в. приказчики острогов и слобод стали терять большую часть своих полицейских компетенций, которые в районах дислокации регулярных воинских подразделений, несмотря на сохранение гражданской вертикали управления, переходили к военным командирам. Использование

²⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 25. Л. 139–139 об.

²⁹ Там же. Л. 140.

³⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 91. Л. 11.

³¹ Там же. Л. 11 об.

³² РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 45. Л. 82–99.

при реализации правоохранительной функции силового потенциала войск, дислоцированных в округе, выглядело полностью логичным и оправданным, частично снимало ощутимый административный «груз», возлагавшийся на приказчиков. В более широком ракурсе эта миграция полномочий становилась неотъемлемым проявлением

процесса милитаризации управленческих и социальных институтов западносибирских окраин, в контексте правоохранительной деятельности выразившегося в умеренной, а иногда и значительной утилитарной симплификации отдельных направлений функционала и практик местных и локальных структур администрирования.

Литература

1. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
2. Громько М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и сельскохозяйственное освоение. Новосибирск: Наука, 1965. 267 с.
3. Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 720 с.
4. Медведев В. В. Формирование и эволюция полицейского государства в России (XVIII – первая половина XIX в.): автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2009. 23 с.
5. Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург: Развивающее обучение, 1998. 203 с.
6. Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск: Сова, 2005. 264 с.
7. Ананьев Д. А. Воеводы в судебной системе Сибири в XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 2. С. 40–43.
8. Космовская А. А. Административно-полицейские функции воевод Пермского Прикамья в XVII в. // Современное общество, образование и наука: сб. науч. труд. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. (Тамбов, 31 июля 2013 г.) Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2013. Ч. 3. С. 80–84.
9. Емелин С. М., Хакимов С. Х. Эволюция полицейских функций воевод и комендантов в Российской империи в XVIII в. (историко-правовой аспект) // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 2. С. 54–63.
10. Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2003. 408 с.
11. Шаходанова О. Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI – начале XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2000. 190 с.
12. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. М.-Л.: АН СССР, 1946. 228 с.
13. Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М.: Наука, 1976. 323 с.
14. История крестьянства Сибири. Т. 1: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1982. 504 с.
15. Миненко Н. А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1991. 263 с.
16. Контева О. Е., Контев А. В. Территория Алтайского края в общегосударственной и ведомственной системах управления (XVIII в.) // История Алтайского края. XVIII–XX вв. / отв. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: АлтГПУ, 2005. С. 44–70.
17. Соколовский И. Р. Таможенные функции приказчика Селенгинского острога // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 3. С. 107–111. DOI: 10.15372/HSS20150321
18. Бобров Д. С. Приказчики острогов и слобод Верхнего Приобья как системообразующие институты локального звена системы управления регионом в 20–30-х гг. XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2. С. 33–37. DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-04
19. Бобров Д. С. Вопросы реализации оборонно-снабжениеской функции приказчиками острогов и слобод Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов Всерос. молодеж. науч. школы-конф. (Новосибирск, 14–16 сентября 2017 г.) Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2017. С. 31–40.
20. Бобров Д. С. Наказные памяти приказчикам острогов и слобод Западной Сибири в административно-правовой системе конца XVII – первой половины XVIII в. (по материалам Кузнецкого уезда) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 87–95. DOI: 10.17223/15617793/442/11
21. Ивонин А. Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. 227 с.
22. Пузанов В. Д. Годовальщики в Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 132–142.
23. Шадрин В. М. Полицейские функции уральских казаков // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 2. С. 12–17.
24. Муратова С. Р. Сибирские укрепленные линии XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007. 241 с.

25. Дмитриев А. В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 528 с.
26. Бородаев В. Б., Контев А. В. У истоков истории Барнаула. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. 336 с.
27. Соболева Т. Н., Разгон В. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): управление и обслуживание. Барнаул: АлГУ, 1997. 258 с.
28. Пережогин А. А. Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул: АлГУ, 2005. 264 с.

original article

Police Function of Bailiffs in Forts and Free Settlements of Western Siberia in the First Half of the XVIII Century (Based on Documents Issued in Kuznetsk Province)

Denis S. Bobrov^a, @, ID^a Altai State University, Russia, Barnaul

@ bds-eureka@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-6786-1321>

Received 08.02.2020. Accepted 11.03.2020.

Abstract: The research featured a historical and legal analysis of functions attributed to bailiffs of forts and settlements inhabited by free peasants in the XVIII-century Western Siberia. The objective was to develop a deeper understanding of the essence of law enforcement process at a local level in the early Imperial Russia. The author relied on management documents and case records from the Russian State Archive of Ancient Acts. Bailiffs appeared to have no clearly stated police functions in the related regulatory acts. The author describes their responsibilities in law enforcement, rights protection, crime documentation, surveillance, detention, interrogation, search, and escorting. The article also focuses on the three types of popular crimes in the local administrative practices. The content and peculiarities of most law enforcement procedures depended on the general tendencies in the regional and state-level administrations. By the middle of the XVIII century, bailiffs had lost most of their police powers, which were resumed by the military officers of the local regular forces.

Keywords: governor of provinces, law enforcement competences, political crime, inquest, irregular troops, Newly formed dragoon regiment

For citation: Bobrov D. S. Police Function of Bailiffs in Forts and Free Settlements of Western Siberia in the First Half of the XVIII Century (Based on Documents Issued in Kuznetsk Province). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 297–306. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-297-306>

References

1. Anisimov E. V. *State transformations and autocracy of Peter the Great in the first quarter of the XVIII century*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1997, 331. (In Russ.)
2. Gromyko M. M. *Western Siberia in the XVIII century. Russian population and agricultural development*. Novosibirsk: Nauka, 1965, 267. (In Russ.)
3. Anisimov E. V. *Rack and whip. Political investigation and Russian society in the XVIII century*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999, 720. (In Russ.)
4. Medvedev V. V. *Formation and evolution of the police-ridden state in Russia (XVIII – first half of XIX century)*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2009, 23. (In Russ.)
5. Vershinin E. V. *Voivode administration in Siberia (XVII century)*. Ekaterinburg: Razvivaiushchee obuchenie, 1998, 203. (In Russ.)
6. Ananiev D. A. *Voivode administration in Siberia in the XVIII century*. Novosibirsk: Sova, 2005, 264. (In Russ.)
7. Ananiev D. A. Governors of provinces in the judicial system of Siberia of the XVIII century. *Humanitarian sciences in Siberia*, 2005, (2): 40–43. (In Russ.)

8. Kosmovskaya A. A. Administrative and police functions of the Governor of the Permskoe Prikamie region in the XVII century. *Modern society, education and science: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Tambov, July 31, 2013. Tambov: Konsaltingovaia kompaniia Iukom, 2013, pt. 3, 80–84. (In Russ.)
9. Emelin S. M., Khakimov S. H. Evolution of policeman functions of vouvodes and commanders in the Russian Empire in the XVIII century (historical and legal aspect). *Legal science: history and the presence*, 2018, (2): 54–63. (In Russ.)
10. Akishin M. O. *Russian absolutism and the administration of Siberia in the XVIII century: structure and stuff of the state machinery*. Moscow; Novosibirsk: Drevlekhranilishche, 2003, 408. (In Russ.)
11. Shakhodanova O. Yu. *Central and local governing bodies in Western Siberia in the late XVI – early XVIII centuries*. Cand. Hist. Sci. Diss. Tyumen, 2000, 190. (In Russ.)
12. Shunkov V. I. *History essays of the colonization of Siberia in the XVII – early XVIII centuries*. Moscow-Leningrad: AN SSSR, 1946, 228. (In Russ.)
13. Aleksandrov V. A. *The rural community in Russia (XVII – early XIX century)*. Moscow: Nauka, 1976, 323. (In Russ.)
14. *History of Siberian peasantry. Vol. 1: The peasantry of Siberia in the era of feudalism*, ed. Okladnikov A. P. Novosibirsk: Nauka, 1982, 504. (In Russ.)
15. Minenko N. A. *Russian peasant community in Western Siberia. XVIII – first half XIX century*. Novosibirsk: Novosib. un-t, 1991, 263. (In Russ.)
16. Konteva O. E., Kontev A. V. Territory of Altai Krai in the civil and department management systems (XVIII century). *History of Altai Krai. XVIII – XX centuries*, ed. Shcheglova T. K. Barnaul: AltGPU, 2005, 44–70. (In Russ.)
17. Sokolovsky I. R. Customs functions of the commandant of Selenginsky fort. *Humanitarian sciences in Siberia*, 2015, 22(3): 107–111. (In Russ.) DOI: 10.15372/HSS20150321
18. Bobrov D. S. The bailiffs of the forts and settlements of the Upper Ob Area as the core institutions of local unit within the system of regional management in the 20–30-s of the XVIII century. *Izvestiya of Altai State University*, 2016, (2): 33–37. (In Russ.) DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-04
19. Bobrov D. S. Issues of implementation of the defense supply function by the bailiffs of the forts and large commercial settlements of the Upper Ob region in the first half of the XVIII century. *Actual problems of historical research: view of young scientists: Proc. All-Russian Sci. School-Conf.*, Novosibirsk, September 14–16, 2017. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN, 2017, 31–40. (In Russ.)
20. Bobrov D. S. Mandatory instructions for clerks of jails and settlements of Western Siberia at the end of the XVII – the first half of the XVIII centuries (based on the analysis of the documents issued in Kuznetsk uyezd). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (442): 87–95. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/442/11
21. Ivonin A. R. *Urban Cossacks of Western Siberia in the XVIII – first quarter XIX century*. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 1996, 227. (In Russ.)
22. Puzanov V. D. The institute of the "godoval'shchiks" in Siberia in the XVII century. *Voprosy istorii*, 2009, (2): 132–142. (In Russ.)
23. Shadrin V. M. Police functions of the Ural Cossacks. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*, 2007, (2): 12–17. (In Russ.)
24. Muratova S. R. *Siberian fortified lines of the XVIII century*. Cand. Hist. Sci. Diss. Ufa, 2007, 241. (In Russ.)
25. Dmitriev A. V. *Russian regular army in Siberia (1725–1796): special aspects of military service in the eastern outskirts of Russian Empire in the XVIII century*. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017, 528. (In Russ.)
26. Borodaev V. B., Kontev A. V. *To the origins of the history of Barnaul*. Barnaul: Altaiskii poligraficheskii kombinat, 2000, 360. (In Russ.)
27. Soboleva T. N., Razgon V. N. *Essays on the history of Cabinet economy in Altai (second half of the XVIII – first half of the XIX century): management and maintenance*. Barnaul: AltGU, 1997, 258. (In Russ.)
28. Perezhogin A. A. *The militarized administration system of the Kolyvan-Voskresenskii (Altai) mountain district (1747–1871)*. Barnaul: AltGU, 2005, 264. (In Russ.)